

Татьяна Мейко

Три ступени

Стихи

Рисунки Александры Поданёвой

Томск
2017

* * *

Ночь. Пишет девочка стихи,
Как настоящие поэты,
И с удивлением глядит на это
Из-под руки.

Под ночником платком одетым
Порхают строчки-мотыльки.
Все спят. Во тьме кружочек света.
Там – где стихи.

ТРИ СТУПЕНИ. Стихи / Т. Мейко. Рисунки / А. Поданёва.
Томск, 2017. – 124 с.

ББК 84 (2Р)6
М 45
© Т.Мейко

Три ступени

Дорога в школу. Тепломагистраль.
Железный мостик ровно в три ступени.
Смотрю с него в космическую даль
Без страха, что к уроку не успею.

Не так давно сама ещё оттуда –
Всего каких-нибудь семь-восемь лет.
Всё вглядываюсь в ожиданье чуда
В далёкий и такой знакомый свет.

Ввысь посылаю строчки стихотворные
Беззвучными озябшими губами –
Я точно знаю, с небом разговоры
Нельзя вести обычными словами.

Стожары останавливают взгляд,
Я путаю их с Малою Медведицей.
И стоит вырасти повыше, верится,
Услышу, что мне звёзды говорят...

Как после ни взбиралась высоко
В неуютённом детском нетерпеньи,
А звёзды всё молчат, всё далеко,
И так недостаёт тех трёх ступеней.

* * *

В пустынном небе звёздочка одна,
Будто ребёнок вышел без надзора.
Так беззащитна, трепетна, бледна –
Вот-вот растает, ускользнёт от взора.

Но в зыбком отражении речном
Дробится и сама с собой играет.
Она дитя – и в сумраке ночном
Ещё ни скуки, ни тоски не знает.

На качелях

Ворвался дождь-кочевник,
И все домой гурьбой.
На лодочках-качелях
Остались мы с тобой.

Как на волнах взмывая,
Скользим туда-сюда.
И с нами дождевая
Качается вода.

Бушуют ливни вешние
Под громовой раскат,
А нам с тобою весело
И боязно слегка.

Но буре не сдаёмся,
И вопреки штормам
Хохочем и несёмся
К счастливым берегам.

* * *

Всё безымянным было, незнакомым:
Куст у подъезда, птица над балконом,
Цветок в траве. И где бы ни была,
Везде казалось, будто я не дома,
Что лишь случайно в этот мир зашла ...

Вновь у подъезда зацветает бузина,
Преображая к ней прильнувший вяз,
На клумбе прижились ирис и крокус.
Здесь знаю всё и всех по именам,
Я видела всё это столько раз –
Как можно тут не выучить урока.

Здесь жизнь прошла, и всё что мне судьбой
Готовилось, отныне принимаю.
Но, как и прежде, вдруг шепчу порой:
«Хочу домой! Домой! Куда – не знаю ...»

* * *

Как сладостна печаль в пятнадцать лет,
И как восторженно пьянит отчаянье.
Я позабыла те мечты и чаянья,
Что на закат шептала солнцу вслед...

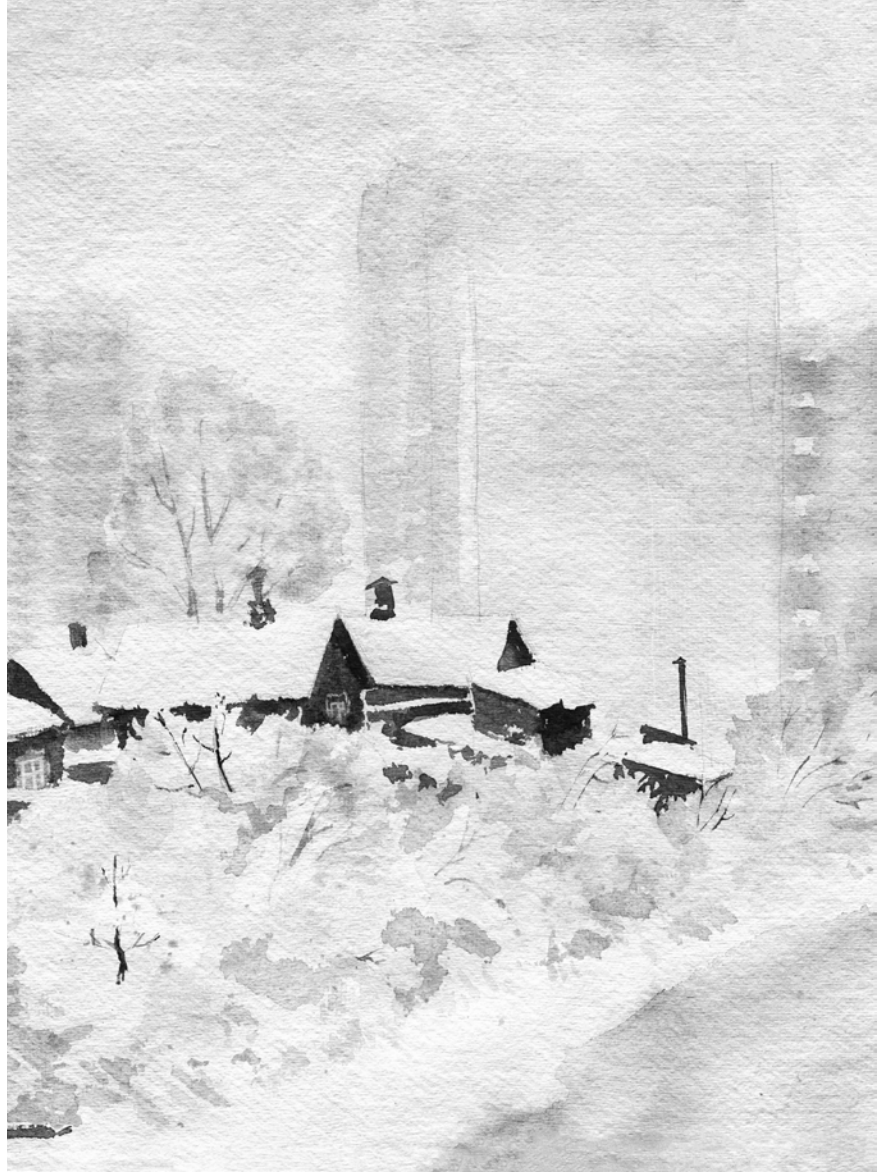
Всё тот же дом, но окна на рассвет,
А мысли все – как в юности далёкой.
Как будто сделав вокруг земли виток,
Всё снова возвращается – с востока.

Белый

Цвет первого нетронутого снега,
Черёмухи цветущего куста,
Цвет облака в весеннем ясном небе
И чистого безгрешного листа.

Стиха, ещё не знающего рифмы,
Но рвущегося из глубин души,
Цвет пены волн, ласкающихся к рифам,
Шуметь уставших, биться и крушить.

И хлеба белого, и белого вина,
Дня белого в минуту пробужденья,
Цвет несуществованья, что до дна
Наполнено предчувствием рожденья.

* * *

Синяя тетрабочка,
Каждый лист конвертиком.
А внутри послания,
Девичьи мечты:
Принца синеглазого,
Туфельки хрустальные,
Сказочного праздника,
Вечной красоты!

Каждый лист конвертиком,
Каждый лист на скобочке –
И никак не вырваться
Из-за скобки этой.
И скучают девочки,
И томятся девушки,
И тоскуют женщины,
И всё ждут ответа.

* * *

Давай постоим на порожке,
На краешке самом любви –
Как бережны, как осторожны
Слова и движенья твои.

Светлы и безоблачны дали,
Лишь дымкой печаль на лице...
Есть в каждом счастливом начале
Тень грусти, что будет в конце.

* * *

Приду к нему и скажу: «Люблю –
Люблю шоколад с орешками,
Люблю ромашковый июль
С гвоздиками вперемешку.

Люблю, когда глядят на меня
Цветы сквозь слёзы росы,
И тикают на исходе дня
Кузнечиковые часы.

Люблю парное молоко
С хлебом чёрным и пышным,
Люблю, когда закат за рекой,
А не за ближайшей крышей.

Люблю, услышав дробный стук,
В ветвях отыскать дятла,
Люблю, когда строчка приходит вдруг,
Где раньше была – непонятно.

Люблю по траве босиком ходить,
Плавать под солнцем слепящим,
Люблю о прошлом погрузить,
Когда хорошо в настоящем.

А если бабочку вдруг изловлю,
Люблю отпустить с ладони... »
Я столько раз повторю «люблю»,
Чтоб он, наконец-то, понял...

* * *

Ты сейчас со мной не весь –
На две четверти не здесь.
Я сейчас с тобой не вся –
На процентов пятьдесят.

Что-то есть всегда в остатке,
Что-то есть всегда помимо,
Что друг в друге без осадка
Всё равно не растворимо.

Есть бесстрастное решенье
В ученической тетрадке:
Существует притяженье –
Значит, быть всегда осадку.

Только верю, что осилим,
Выйдя из земного круга,
Притяжение земли мы
Притяжением друг к другу.

* * *

Первые строчки на первом снегу
Веточкой я написала несмело.
Думала их для тебя сберегу,
Но сохранить ничего не сумела.

Видимо, были те строчки неточны –
Только рассеялась туч пелена,
Солнце капелью поставило точку
Там, где по правилам быть не должна.

* * *

Она стояла у причала,
А теплоходы плыли мимо,
И в предвкушении начала
Обрывки музыки ловила.

Как песню жизнь сложить мечтала,
Чтоб слово к слову, нота к ноте.
И ритм волна ей отбивала,
Ни разу не напутав в счёте ...

Растаяли морскою пеной
Надежды юности певучей,
И вольные сменил напевы
Припев избитый и докучный.

И кажется, что песня спета,
Но волны бьются о причалы
И всё зовут начать сначала –
С начала первого куплета.

* * *

Ты катись моя слеза
В быструю реченьку,
За поля и за леса,
Далеко-далеченько.

Будет речка ластиться
К самому порогу –
На крылечке ладит сам
Что-то мастер строгий.

Если выйдет на берег
Он напиться,
Если в руки наберёт
Он водицы,

Ты блесни ему слеза,
Словно девичьи глаза,
Чтобы он, в конце концов,
Написал мне письмецо.

* * *

Чуть-чуть удачи и любви немного –
От счастья только маленькая доля.
Я бережно держу его в ладонях –
Не выронить бы ненароком.

– Но как же это мало! Слишком мало!
– А сколько тебе нужно – покажи?
Я с жадностью ладони разбросала –
И всё, что по крупицам собирала,
Вдруг выпало из рук... Как дальше жить?

* * *

Девочка в курточке на перекрёстке,
Сумочка за плечом,
Ветер развеял остатки причёски,
Резко сорвав капюшон.

Руку озябшую каждый раз
Тянет к глазам, беспокоясь:
Не опоздать бы – а вдруг сейчас
Отходит на счастье поезд.

Дождь бился в окна вагона хлётко...
Встречи, разлуки – всё прочь!
Но снова девочка на перекрёстке –
Дрожь, одиночество, ночь.

* * *

Кто выдумал его? Откуда этот плач
О счастье, будто об ушедшем рае?
Как дети, на дорогах подбираем
Осколки радостей и стёклышки удач.

В дни горестей, сомнений и печалей
Тускнеют прежде яркие мгновенья.
Какие нам давались обещанья,
Что мы всё ждём их исполненья?

Но стоит через стёклышко цветное,
Играя, поглядеть на жизнь,
И засияет вновь на небосклоне
Мечта о счастье – родине души.

Пустой разговор

Есть такой разговор – как орешек:
Расщелкнёшь, а внутри пустота.
Вроде крепок, да много в нём треска,
Серединка же – незанята.

Так в массовке случается зрителям
Для создания шума твердить
Поговорку: «О чём говорить-то нам,
Если не о чем нам говорить?»»

С губ слетает легко и бездумно,
Осыпаясь, словес шелуха.
Если мы говорим ради шума,
Значит, мы из массовки пока.

* * *

Шли сегодня дела, как по нотам,
Я их галочками помечала
В раздобревшем от планов блокноте.
Но под вечер вдруг грустно стало.

И гляжу вот, блокнот открыла,
Как гуляют в нём буквы вразвалочку.
А пришпиленные к ним галочки
Понапрасну возносят крылья.

* * *

Пролетают дни, как буквы строчные,
И не успеваем прочитать.
А, быть может, с ними что-то срочное,
Важное хотят нам передать.

Есть у дня для нас своя программа,
Каждый день мечтал пройти не зря,
Быть отмечен славными делами
И украсить лист календаря.

Он пришёл рассветной длинной тенью –
Долгий, уходящий в окоём,
Нёс открытия и вдохновенье,
Даже подвиг мог вместиться в нём!

Но у нас свои расчёты, планы –
Что за день успеем совершить?
И закатной тенью вслед за нами
День – каким он мог и должен быть ...

Был он для себя не краткосрочный,
Был особый, редкий, именной.
День приходит буквой прописной,
Но от нас опять уходит строчной.

* * *

Вчера ещё росла, теснило грудь,
Всё слишком узко было, слишком близко.
Хотелось голову чуть-чуть пригнуть,
Так низко небо надо мной нависло.

Мне дали сдавливали плечи,
Как старая и тесная одежда,
И всё, что впору приходилось прежде,
Ползло по швам – и в них сквозила вечность.

Сегодня мир велик мне непомерно,
Не по размеру высь мне и простор.
Ещё чуть-чуть и выпаду, наверно,
Как из чужого и огромного пальто.

Я так мала, что у себя вчерашней,
Как подаянье, умещусь в горсти.
И, будто в детстве, без причины страшно.
Но, будто в детстве, я могу расти.

И всё вернётся. Завтра, может стать,
Что мир опять по росту будет мне.
Вот только бы сейчас не затеряться
В пустынном этом бесприютном дне...

* * *

Отчего-то, как в детстве, вчера
Захотелось вдруг стать хорошей.
И поверилось: все мы похожи
Друг на друга в порывах добра.
Наполняясь любовью к людям,
Сердце силилось мир вместить,
И казалось, всем лучше будет,
Стоит только слова найти.
Исписав всю до корки тетрадь,
Я слезою поставила точку
И счастливой отправилась спать...
А с утра, прочитав эти строчки,
Усмехнулась наивности своей.
Ах, зачем же утро вечера –
мудреней?!

Поля

В парке на скамейке плачет Поля,
Рукой поникшей листья ворошит,
За какой-то выдуманной болью
Прячет неприкаянность души.

Нет пока потерь, нужды и горя,
В чём печаль – самой не ясно ей,
Плачет и прилежно, будто в школе,
Пальцем что-то чертит по скамье.

Листья на подол летят устало,
Собирает их в букетик Поля...
Плакала всерьёз бы, если б знала –
Это слёзы будущего горя.

И не надо спрашивать, зачем ей
Эта грусть – пока не знавшей доли.
В горе слёз не будет облегченья,
Пусть поплачет Поля всласть и вволю.

* * *

Лишь несколько нетерпеливых строчек,
Без мук, без знаний – вдруг случайно
Пришедшие однажды ночью.
Как и откуда – тайн тайна...

Лишь несколько – что мучить вдохновенье,
Оправдывать удачу сонмом слов,
То давнее твоё стихотворенье
Вновь выберут из множества листов.

И ты его почти возненавидишь,
Как ту любовь, которая прошла,
Всё прошлое с себя стряхнёшь в обиде,
Как рукописи со стола.

Но строчки, что казалось, безвозвратно
Забиты, вдруг прорвут мглу мелочей,
И дни минувшие закружат в их луче
Пылинками над старою тетрадкой.

* * *

Откройте окна – это дождь,
Он к нам давно уже стучится.
И всё, чего так долго ждёшь,
Сегодня, может быть, случится.

Вдруг с улицы, дождями суженной,
Словно из сумрака зеркал,
В дверной проём войдёт мой суженый –
Кого январь мне предрекал.

А я скажу: «Ну, как же ты?
Сегодня непогодь такая...»
В прозрачных крапинках цветы
На стол поставлю, напевая

Под шум дождя. Он скажет: «Слушай,
Я эту песню знал уже...»
А я скажу: «Ты пел в душе,
Они похожи – наши души».

* * *

Не носят дочери материнских платьев,
Что бережно хранились на потом.
А если вдруг печалются и плачут –
Всё не о мамином, всё о своём.

Что сберегалось в сердце и в комодке,
От школьных фартучков и до фаты невесты,
Пообветшало, стало вдруг не в моде
И лишь напрасно занимает место.

А годы мчат, как шов машинной строчки,
Девичьи платья не дают сносить.
Вот мамыны, а вот уже от дочери...
Дни не сберечь – хоть платья сохранить.

* * *

Вышиваю строчки строго по канве,
То простым стежком, то крестиком на память,
Где изъян, там гладью ровною поверх –
Гладью можно всё сравнять и всё поправить.

Получается картинка хоть куда,
Хоть на стенку вешай, хочешь – продавай,
От печалей и страданий – ни следа,
И узорчатой тесьмой украшен край.

Всё прекрасно правде жизни вопреки,
Но болят порой с изнанки узелки.

Русалки

Июльской ночью в заводи прогретой
Русалки шепчутся у берегов.
«Ах, сёстры, расскажите про любовь –
Как манит и пугает слово это.
Мне кто-то говорил давным-давно:
Коль ляжет на сердце – не взвидишь света,
Тяжёлым камнем увлечёт на дно
И не отпустит даже в день Купалы...»

В сиянье лунном светятся купавы,
Шуршит камыш, и слышится ответ:
«Ах, полно, это всё людская сказка,
Лишь выдумка с тоски и праздный бред.
Есть звёзды, есть луна, кувшинки, ряска.
Русалки есть... Любви на свете нет!»

* * *

Камень – тяжёлый и серый –
На сердце, как на распутье.
И куда не свернуть мне,
Не избежать потери.

Сказки кончаются счастливо,
Свадьбой и пиром горой –
Если по замыслу сказки вы
Главный, конечно, герой.

Всюду грустят и печалятся
Девицы второстепенные,
Молодцы с общего плана
Мёд-пиво льют мимо рта.
Как не дойти до отчаянья,
Где же набраться терпения,
Коли пригожа и ладна,
Да по сюжету – не та?..

Голос надежды всё глуше,
Поступь копыт не слышна,
Камень вращается в душу,
Мхом поросли письмена.

* * *

Деревья кланялись,
И травы кланялись,
И ветры кланялись
Цветочку красному.
И было маленькой
Неясно в сказке:
Зачем же аленький?
Зачем же красный?

Деревья кланялись,
И травы кланялись.
И вспоминалась
Та сказка древняя.
Ведь вот он рядом,
Всё в нём изрядно,
Какого ж надо
Ещё царевича?

Деревьям верилось
И травам верилось:
Умчатся с ветрами.
А ветры – мимо.
Но всё же хочется,
Как прежде хочется,
Как всем нам хочется
Недостижимого.

* * *

Луг васильковый в зареве заката,
На цыпочках незримый день прошёл,
Не потревожив бабочек и пчёл.
Растратив акварельные запасы,
Растаял в розоватой пелене,
В малиновой реке и рыжей роще,
И только облаков белесый росчерк
Оставил на багряном полотне.

* * *

Земля с утра, как будто в коконе,
Лежит в тумане бело-матовом.
Всю ночь кружился ветер около,
Невидимую нить наматывал.

И там, внутри, травинка каждая
Ждёт, замерев в тиши загадочной,
Когда, расправив крылья влажные,
День распахнётся яркой бабочкой.

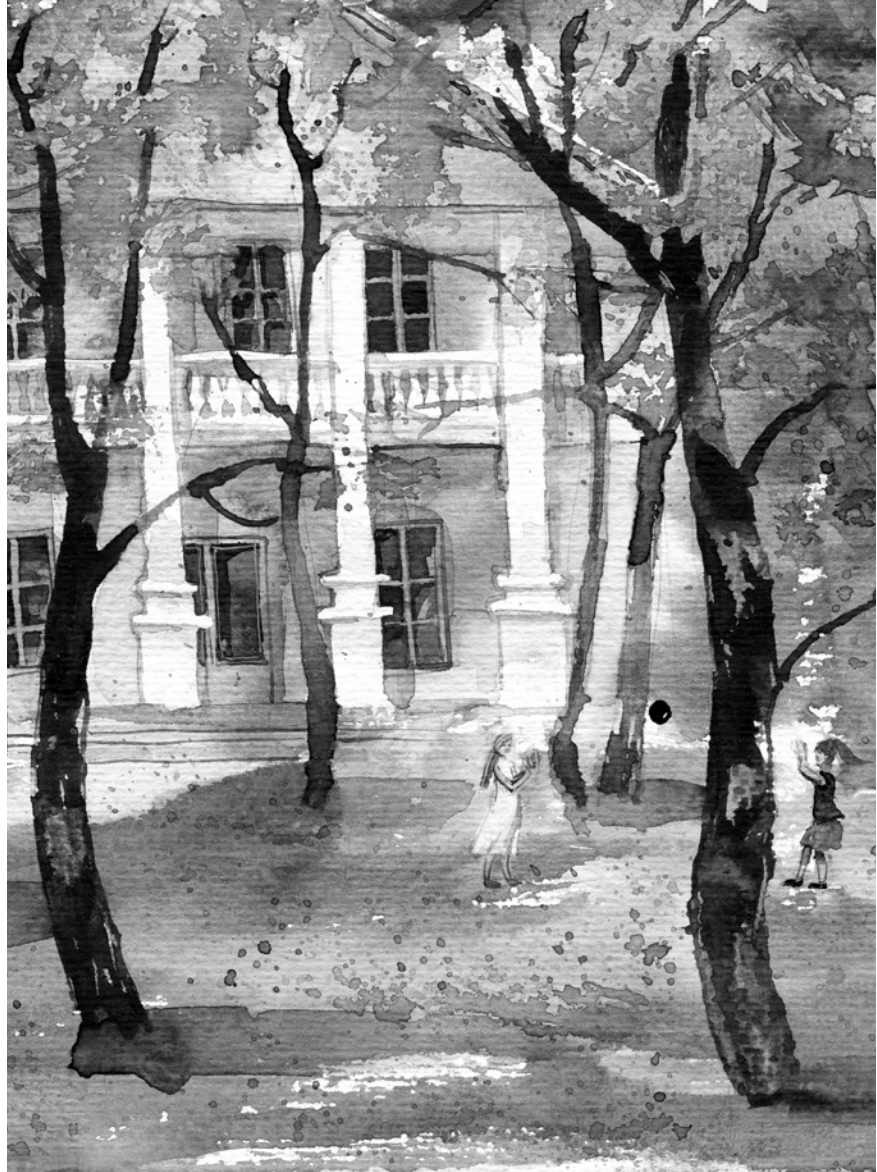
* * *

Там, в той стране – теперь она лишь снится –
Прекрасных грёз, невысказанных слов,
Несовершённых сладостных грехов,
Не подданной была ты, а царицей.

Как чужестранка шла от двери к двери,
Дворцов и хижин гордо сторонясь,
Давала ты уроки недоверия,
Неподрушаньем упивалась всласть.

Вокруг смотрели, словно на забаву,
На твой надменный и нездешний вид,
Кто с осуждением: «Что теперь за нравы!»
Кто с любопытством: «Чем нас удивит?»

Там, в той стране, затоптан и затерян
В траве забвенья лёгких туфель след,
Ворота заперты, закрыты двери,
В сердцах и окнах погасили свет.

Статуя «Трешница»

На коленях стою –
 так устойчивей я на земле.
И тяжёлые руки
 я к небу в мольбе поднимаю,
Тот, кто создал меня
 тот, кто скорбь начертил на челе,
В меня душу вложил,
 но зачем мне душа – я не знаю.

Я не помню вины –
 для чего же страдаю и каюсь?
Я не знала греха –
 так к чему этот горестный вид?
Я б хотела вернуться
 в бездушный, бесчувственный камень...
Или дайте изведать,
 в чём грешная сладость любви!

Думы тихие вечерние
 сменили
Мысли томные и тёмные –
 ночные,
Мысли тёмные,
 потайные ...
Только лягу вечером
 на кровать,
Мысли к милому тайком –
 ночевать.
Упорхнули прочь
 мысли давние,
Провели всю ночь
 там за ставнями,
Где из сада –
 соловьёв
 переливы.
А когда
 приходила
 назад,
В небе звёзды
 отводили
 глаза,
И заря
 заалела
 стыдливо.

* * *

Вся опутана приличия узами,
На верёвочке тащила себя домой,
Вверх ступенями скрипучими узкими
Волочила, убеждая: «Этот дом мой...»

За собой запирала двери я,
Обувала домашние тапочки,
Только сердце никак не верило,
Отбивало: «Там ли ты?» Так почти

Десять лет. А потом привидением
Вокруг дома того тенью зарёванной –
Мысли, чувства, слова, сновидения...
Ещё десять лет – на верёвочке.

* * *

Пришла беда – отворяй ворота!
Все беды в гости ко мне:
Ссоры, злословие, клевета,
Гадкий паук на стене.

Мрак, гололедица, боль в пояснице,
Злая начальница, быт, суета,
Ночь напролёт будильник снится.
Пришла беда – отворяй ворота!

Пришла, навалилась грузно на плечи,
Так что дрожат, подгибаясь, ноги,
Старые беды время залечит –
Новые беды ждут на пороге.

День ото дня только хуже, хуже,
Мук тяжелее не знала сроду.
Может быть, это счастье тужится –
Рвётся из тесных уз на свободу?

Рвёт по живому, на клочья, на части,
Тащатся тяжкие дни, как года...
Хватит ли сил пережить напасти?
Пришла беда – отворяй ворота!

Торе луковое

Дверь тяжёлую двустворчатую
Открывала к нему без стука я.
На окне занавеска оборчатая,
Печь и связка над ней – луковая.

Я по дому бродила привидением,
Невпопад отвечала со скукою,
Слёзы капали на доску разделочную,
Я варила ему суп – луковый.

Ночи с горечью, дни с тоскою,
И никак не отнять рук от лица.
Годы сыпались луковой шелухой,
И душа, точно горькая луковица.

Но однажды, пока суп не простыл его,
Я из дому ушла из постылого.
Не грущу, не томлюсь разлукою,
Только привкус во всём – луковый.

Про кота

Я не любила этого кота,
По имени его не называла,
А может, просто этот дом тогда
И всех, кто в доме, я не признавала.

Но кот страдал от человеческой розни
Меж собственных кошачьих передряг,
Пока однажды не погиб геройски
В неравной схватке с сворою собак.

Переживала я о нём недолго,
Но до сих пор, когда себе недоброй
Кажусь, царапнет в сердце иногда:
Я не любила этого кота.

Ссора

Распахнуты глаза и настежь двери,
И кажется, душа вот-вот умчится прочь –
Метнётся в темноту и канет в ночь,
И ты не сразу ощутишь потерю.

Ты с криком исступлённо бьёшь руками,
Как птица крыльями перед полётом,
А этот вот чужой, враждебный кто-то
Встал на твоём пути и не пускает.

Но ты срываешься – и головой с обрыва,
Отдавшись воле сумасшедших грёз,
И падаешь, и тщетно ищешь крылья.
И давит небо, вспухшее от слёз.

Крик

1

Не знаю, как он попал к нам домой.
Не слушать! До боли сжать голову!
Этот крик твоим быть не мог –
Я ведь помню и люблю голос твой.

Укрыться под вешалкой в прихожей
Меж домом и улицей – на грани!
Этот крик чьей-то души раненой
И моим не мог быть тоже...

Он был сам по себе! Он был ничей!
И в полутьме мерещится – в трюмо,
Нависнув надо мной, в какой-то муке
Кричит пальто средь курток и плащей,
Как будто кто-то вдруг проник в него
И в рукава продел изломанные руки...

2

Откуда ты, моя душа, явилась,
Где вечность коротала?
Быть может, только горестей не знала
И словно милость,
Теперь воспринимаешь все печали,
А этот крик
От боли, одиночества, отчаянья –
Земной язык.

3

Я не могу, когда ты смотришь так –
Глазницами бездушными зияя.
Мой крик отчаянный – всего лишь знак,
Крик новорожденной: я здесь, и я живая!

И в каждом выдохе и вдохе – стон,
И сердце бьётся всполошённой птицей...
Мы так кричим, что если жизнь – сон,
То нам давно пора уж пробудиться.

* * *

Ты сказал: «Я уйду». Я сказала: «Иди».
Ты сказал: «Я уеду». «Езжай».
Только сердце рванулось к тебе из груди
Под занавесь дождя.

В переулках металось оно потом
И заглядывало под зонты.
Каждый раз убеждаясь, что всё не то,
И что везде не ты.

Силуэтом размытым в оконной раме
Я осталась – без сердца, без боли.
И в следующей любовной драме
Нам не досталось роли.

* * *

Опять порыв – и рвётся ожерелье,
И дробно бусины об пол стучатся.
Не берегли тогда и не жалели
Судьбою нам доверенное счастье.

Сегодня я нашла одну из бусин.
Что делать с ней? Какой суровой нитью
Обрывки слов и снов соединить мне,
Связать в клочки разодранные будни.

Что хочет юность? Всё иль ничего!
Рвёт письма, фотографии и судьбы.
Но как потом она жестоко судит
Из прошлого из своего.

* * *

Мир безжалостно сжат в аллею,
Мглою закатною опален.
Ввысь вползают, как черные змеи
Ветви голые тополей.

По тропинке, змеящейся сетью
Поредевшей травы, бреду,
В опустевшем лелея сердце
Новорожденную беду.

Брошен в ноги осенний покров,
Слышен птицы отчаянный оклик.
У разлуки холодная кровь,
У разлуки змеиный облик,

Цепенящая пристальность взгляда,
Леденящий покой в виске
И пьянящая капелька яда
На раздвоенном языке.

* * *

Продрогший день скребётся под окном,
Скулит и, как собака, просит пищи.
Но я разорена, и дом мой нищий,
Я не могу заботиться о нём.

Здесь царствует повсюду день вчерашний.
Он в складках неразобранной постели,
В разорванном письме – простом и страшном,
В остановившихся часах настенных.

И слышно глухо, будто из могилы,
Где всё живое жутко и нелепо,
Опять соседи за стеною слева
Ругаются – у них ещё есть силы...

* * *

Ты приплываешь в прошлое
В утлой и зыбкой лодочке,
Чтобы увидеть молящие,
Отчаявшиеся глаза.
Ты приплываешь в прошлое,
Чтоб ощутить одиночество,
Чтоб оценить настоящее
И счастливой отчалить назад.

* * *

Всем влюблённым в назначенный срок
В школе грусти
Предстоит получить урок –
Не пропустишь.

Если снова пройти прошлому,
Хоть и горько мне,
И крупички собрать хорошего –
Ягод горсточку,

Я варенье из них бы сварила впрок.
Подсластило б это
Горечь тем, кто сегодня спешит на урок –
Со свежим букетом.

* * *

Ты говоришь, что так жить невозможно.
Так это давно решено!
С тобой, без тебя ли, мне жить невозможно,
Совсем невозможно. Но ...

Если взять чемодан – тяжёлый, громоздкий,
Как наши с тобою отношенья, –
Вещи в него побросать – и в промозглый
Вечер без размышлений.

Чтоб он – разбит и перегружен –
Сорвался – лишь ручка в руке,
Тут же решить, что багаж не нужен,
И дальше – уже налегке.

Пройти меж обрывистыми берегами
Зыбкий мосток навесной
И убедиться: провал под ногами
Страшней, чем провал за спиной.

А в высоте различив созвездья,
Всё знающие уже,
Понять, что над головою бездна
Глубже, чем бездна в душе ...

* * *

И тебя обидела,
И себя измучила,
Наконец, увидела,
Что других не лучше я.

Что никак не услужить
Сразу двум одновременно:
Или уж себя любить,
Иль любить самозабвенно.

* * *

Тоску теперь депрессией зовут,
За словом новым пряча сущность ту же.
И ветры склок опять на клочья рвут
Обрывки неба в раздражённых душах.

Но от депрессии и от тоски
Лекарство – боль. Она иглу вонзает
И по живому штопает, сшивает
В душе лазури светлой лоскутки.

* * *

Вам, уходящие года,
Года лишений и любви,
Сама готова всё отдать,
Лишь большего не взяли б вы.

Лишь бы оставили мне память,
И силы этот день продлить,
И искорку – чтоб сердца пламя
Ещё, быть может, возродить.

* * *

Неужели прошло, отцвело, отзвенело, опало?
Стаей птиц всполошённых взметнулась сухая листва.
Власть сменилась в природе,
и мы вдруг попали в опалу –
Облетевшие чувства, пустые сквозные слова.

У случайных прохожих похожие лица и взгляды,
Всем осенней печали сегодня отпущено поровну.
Обрываются листья всё лето шумевшие рядом,
И бросаясь на ветер, разносятся в разные стороны.

Эта поздняя встреча уже ничего не прибавит,
Есть в остатках тепла затаённая грусть и обман.
Запоздалое лето зовётся не девичьим – бабьим,
А за ним надвигается долгая бабья зима.

* * *

Как солнце прячется порой за тучею
И там, незримое, растрчивает свет,
Так мы скрываем свои чувства лучшие,
Страшась обид, которых ещё нет,
Не выпавших пока потерь и бед,
И недоверием друг друга мучаем.

А так хотелось слепо расточать –
Бездумно, безответно и свободно –
В прорехах туч сверкая и лучась
Наперекор всем прихотям природы.
Чтобы однажды в свой закатный час
Вдруг для кого-то просиять восходом.

* * *

За окошком кап да кап,
Целый день всё мжит да мжит,
А ворона кар да кар –
Всё печаль мне ворожит.

В шесть часов почти темно,
В семь часов почти тоска.
Капля с ветки за окном
Не сорвётся всё никак.

А напротив света нет,
Ты давно там не живёшь.
Даже если был бы свет,
Вряд ли вышла бы под дождь.

Ничего теперь не тронет,
Ничего теперь не всласть...
Резко каркнула ворона –
Капля с ветки сорвалась.

Снова перевёрнута страница,
Пелена спала.
Нужно заново ходить учиться –
Как по шпалам ...

Чтоб никто не мог пойти рядом –
Узкоколейка!
Над судьбой, как над речной рябью –
Уклейка.

Чтобы слышать лишь птичье пение,
Звон сверчков.
Чтобы ветер, как откровение,
Свеж и нов.

Заглушала б трава шпалы старые,
Цвет гвоздик.
Чтобы стало неважно – станция
Иль тупик.

* * *

Меж мной и мной проложены года.
Я отпускаю всех, кто между нами.
И страшные «навек» и «никогда»
Легко произношу между словами.

Меж мной и мной – вокзалов кутерьма,
Невзгоды, холод и печаль разлуки.
Я, словно в детстве, отнимаю руки –
Теперь сама! Теперь пойду сама!..

* * *

Когда было новое тело,
И свежая билась кровь,
Звездой безымянной горела
Над миром моя любовь.

Я ей подбирала имя,
К ней руки тянула, дрожа.
А звёзды смотрели мимо –
Древние, как душа.

И душу, как ношу, нести,
Вручённую мне когда-то
Без имени, без адресата,
Устала на долгом пути.

Сегодня есть ты у меня,
Душа от любви отдыхает.
Любовь растворяется, тает
Звездой при свете дня.

* * *

Позолотили облачко,
Как у цыганки ручку.
Янтарно-розовым бочком
Красуясь над излучиной

Реки, играя красками,
Оно мне нагадало:
День будет тёплым, ласковым,
И просветлеют дали.

Печаль пройдёт, как сон ночной,
И с завтрашнего дня
Всё будет в жизни солнечно
И ясно у меня.

* * *

Ветер воздух растягивал с вечера
И сжимал, как меха гармошки,
Словно струны настраивал ветви,
В духовые дудел немножко.
Суетился, метался, шумел он,
Но – неопытный дирижёр –
Подготовить концерт не успел он,
Лишь устал, и с утра птичий хор
Свою партию спел акапелла.

* * *

Если из весенней зелени
Извлекли б её осеннее
Золото и желтизну,
Получили б нежно синее
Серебро сквозного инея
И снегов голубизну.

* * *

Жук – как образчикковки и литья,
С отделкой тонкою – чеканкой и шлифовкой.
А бабочка – искусство кройки и шитья
С узорной, радужною вышивкою шёлком.

«Мама, мне можно писать стихи?..»
Детских вопросов решенья
С маминой лёгкой давались руки,
С маминого разрешенья.

Стали вопросы трудней теперь,
Стали нужней советы.
«Мама, как жить сред невзгод и потерь?»
Некому дать ответа.

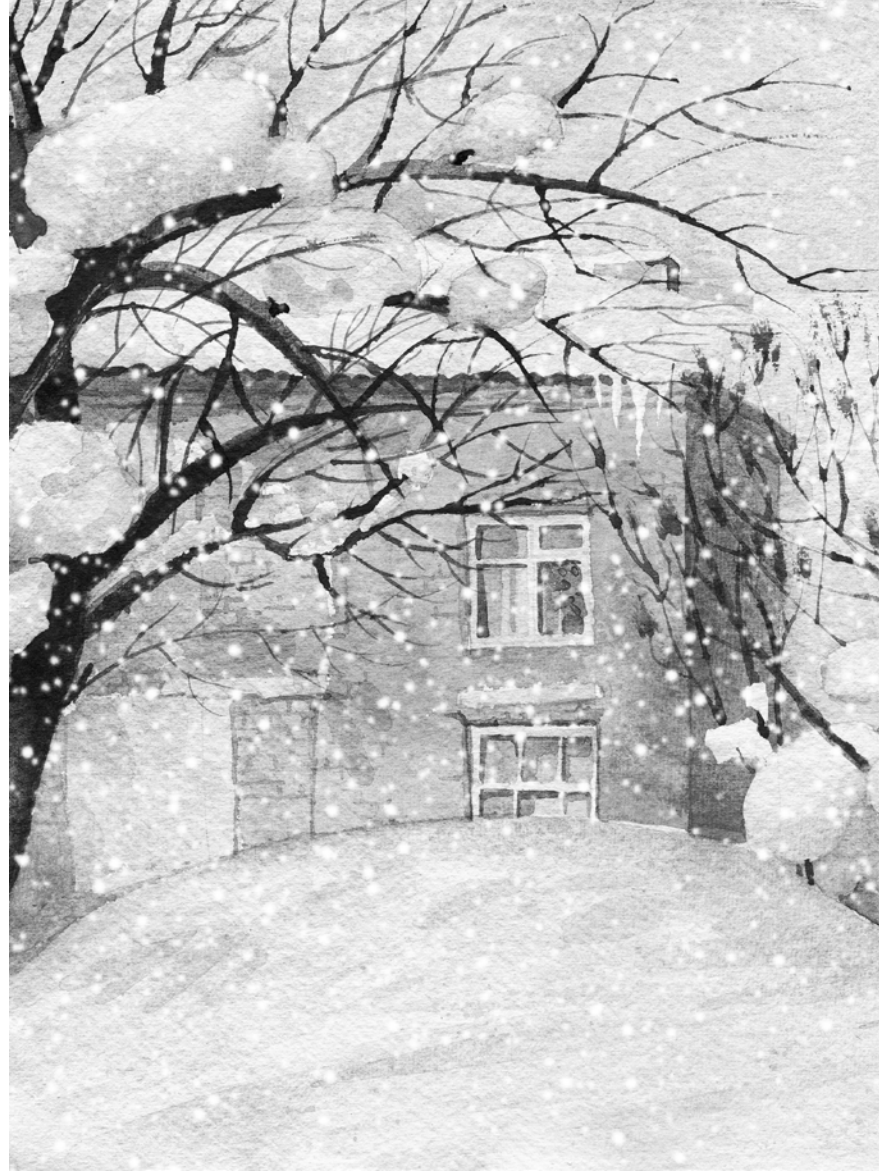
Горе, горе, горенько
Заглянуло в горенку,
У моей у горлинка
Заболело горлышко.
Уходи, болька,
Не боли больше.
В лес дремучий убеги,
Боли у Бабы Яги,
У костявого Кощея,
У Горыныча у Змея.
У Горыныча хоть три
Сразу горла заболи!!!
Чтобы моя горлинка
Вновь смеялась в горенке.

Зимняя колыбельная

Сонные снежинки – тише, тише –
В воздухе зависли – не спугни.
Тучки стали ниже, прилегли на крыши,
Если бы не крыши, на землю легли.

И деревья дремлют – тише, тише –
Взрагивают ветви, будто видят сны.
Спит земля под снегом, слышишь – дышит,
Ночью все на свете спать должны.

Под страницей книжки – тише, тише –
Сказка задремала, как под одеялом.
И во сне мурлыча, водит лапкой Тишка,
Видимо, немножко днём не доиграл он.

Летние картинки

В зарослях рогоза вывелись утята,
Их никто не видел, но они шуршат там.

Заметались на мели серебристые мальки –
Золотистый бредень кто-то расстелил по дну реки.
Ускользнуть из этой сети, зыбкой, словно сон, легко –
Уронило её сверху золотое солнышко.

В речку от жары залез юный, нежный роголист –
Неуклюж, как медвежонок, и, как ёлочка, пушист.
В конфетти из ряски празднично одет он –
Под водой справляет середину лета!

Зимородок в чудной, радужной расцветке,
Показался чуть он – и обратно в сказку!
Как игрушка с ёлки – яркая, блестящая –
Только рыбка у него в клюве настоящая.

Это кто среди кувшинок сжал капризно кулачки?
Это жёлтые кубышки – водяные куколки.
Вы раскройтесь поскорей, покажите личики,
Ведь в такой прелестный день дуться неприлично.

Чуть повыше облаков, плывущих по течению,
Голубая стрекоза ловит отражение.
Повторяется в реке каждая тростинка –
Как прозрачны и легки летние картинки!

А смешаешь верх и низ, явь и отражение –
То укажет стрелолист к солнцу направление.

Горихвостка

Поселилась во дворе
В затаённом закуточке.
То ли та же, то ли дочка
Распеваёт на заре.

Долго ль длится век у птицы?
Стала память вдруг убога.
Всё пыталась я забыть
И забыть пыталась много.

Разодета, как на праздник,
Вертит весело хвостом.
Я же наряжусь – и сразу
Всё не так и всё не то.

Суетливы сразу мысли,
А вокруг всё не под стать мне.
Очень грустно, когда в жизни
Ничего нет ярче платя.

Оттого люблю по саду
По траве бродить босая,
В полинялом сарафане
Мыть клубнику в старой ванне.

Исковерканное солнце
Между ивами растает,
Мне и этого кусочка
Для души вполне хватает.

Я глотаю жадно воздух
И всё знаю наперёд.
Остальное горихвостка
На хвосте мне принесёт.

Все загадочней смысл и значенье
людских разговоров,
Все ясней шёпот листьев
и шорох ночного дождя.
От природы пытаемся скрыться
за стенами города,
А от города в стенах квартир.
Но гудят и гудят

Ветры в гулких расщелинах
улиц, напротив в окошках
Жёлтолицый ютится закат.
И тревожно душе.
И растерянным взглядом взирает она –
будто кошка
В мир неведомый смотрит с тоской
с высоты этажей.

Деревья

1

Если заговорят деревья,
Заговорят не о людях,
Речь заведут о древней,
Неведомой нам судьбе.
Если заговорят деревья,
Что мы отвечать им будем?
Какие поверья доверим
Им о самих себе?

Если заговорят деревья,
Заговорят чуть слышно,
И все замолчат, внимая
Чуть шелестящим словам.
И всё будет в мире, наверно,
Понятней, проще и тише,
И, может, тогда узнаем,
Чего не хватало нам.

Что нам деревья скажут?
Раскроют вечные тайны,
Что ветер подслушал, витая
Где-то вдали от земли,
Что звёзды ему нашептали.
И станет неловко даже –
Как мы до этого сами
Додуматься не смогли?..

2

Я росла на земле тополем
От деревьев других поодаль,
И по листьям дожди шлёпали,
И ветрам было сердце отдано.

Как порою ветвями мокрыми
Было сладко под ветром метаться.
И никто упрекнуть не мог меня,
Что неловко страстям подчиняться.

Без боязни садились птицы
Мне на ветки – срывались ввысь.
Я мечтала летать научиться,
И кричали мне птицы – учись!

Грозы все принимала стоя я,
Содрогаясь до самых корней.
А с каким отдавалась достоинством
Вековой тоске своей...

Как же хочется ветренным вечером,
Позабыв про земную выгоду,
Мне метаться, шуметь... Человеческим
Языком вряд ли больше выражу.

3

Кажется всё, будто в мир, где не знают чудес,
Я опустила однажды от тверди небес,
Ниже деревьев, с которыми вровень была,
Ниже травы – и тогда, наконец, проросла.

Здесь в перевернутом мире всё наоборот:
Радость – печаль, а отчаянье – радости всплеск,
Тьма – это солнечный всепроникающий блеск,
Гибель – рожденье, паденье – стремительный взлёт.

Здесь много шума без толку и слов невпопад.
И беспокоит листвы и ветвей колыханье.
Здесь в перевернутом мире деревья молчат –
Но как значительно, красноречиво молчанье ...

* * *

Возможно, кто-то сбросил с сердца камень –
И закружилась жизнь, волна к волне.
Я смысл ищу – он по воде кругами.
Я суть ищу – она давно на дне.

И волны бедствий надо мной смыкаясь,
Затягивают в глубь. Вот-вот пойму...
Возможно, кто-то сбросил с сердца камень –
И просто стало легче жить ему.

* * *

Я устала от зауми сложнопостроенных строчек,
Умозрительных фраз
и громоздких словесных торосов,
Когда каждая точка пытается стать многоточием,
В восклицания выбиться или хотя бы в вопросы.

Надоела кавычек и жирных шрифтов многозначность,
Букв заглавных парадная поступь, курсива балет.
Я хочу, чтоб слова были просто слова –
так ясны и прозрачны,
Что сквозь них, словно в окна
вливался бы солнечный свет.

* * *

Меня мама просила:
«Ты родишь себе сына,
Назови его Павел, назови –
В память первой моей любви».
А я дочку просила:
«Ты родишь себе сына,
Назови его Павел, а второго Матвей –
В память первой любви моей».
Но у дочки своя сокровенная память,
Всё не выполнен мамин завет.
И я внучку просила:
«Ты родишь себе сына ...
Ты побольше рожай сыновей».

* * *

Из камней, что в меня кидали,
Что так тяжело на сердце лежали,
Что давили немой печалью,
Дом хотела построить себе.
Мне казалось, что постепенно
Вырастать будут крепкие стены
Из камней этих мрачных и серых
От земли и до самых небес.

Сколько было навета и брани,
Сколько слёз и бессонных страданий,
Но теперь из сегодняшней дали,
Всё забыв, всех давно простив,
Камни – те, что в меня кидали,
Те, что грудой на сердце лежали –
Показались мне пёстрой галькой,
Умещающейся в горсти.

Как у вас там светло и сине –
Над землёй.
А у нас здесь внизу, в России,
Всё за мглой.

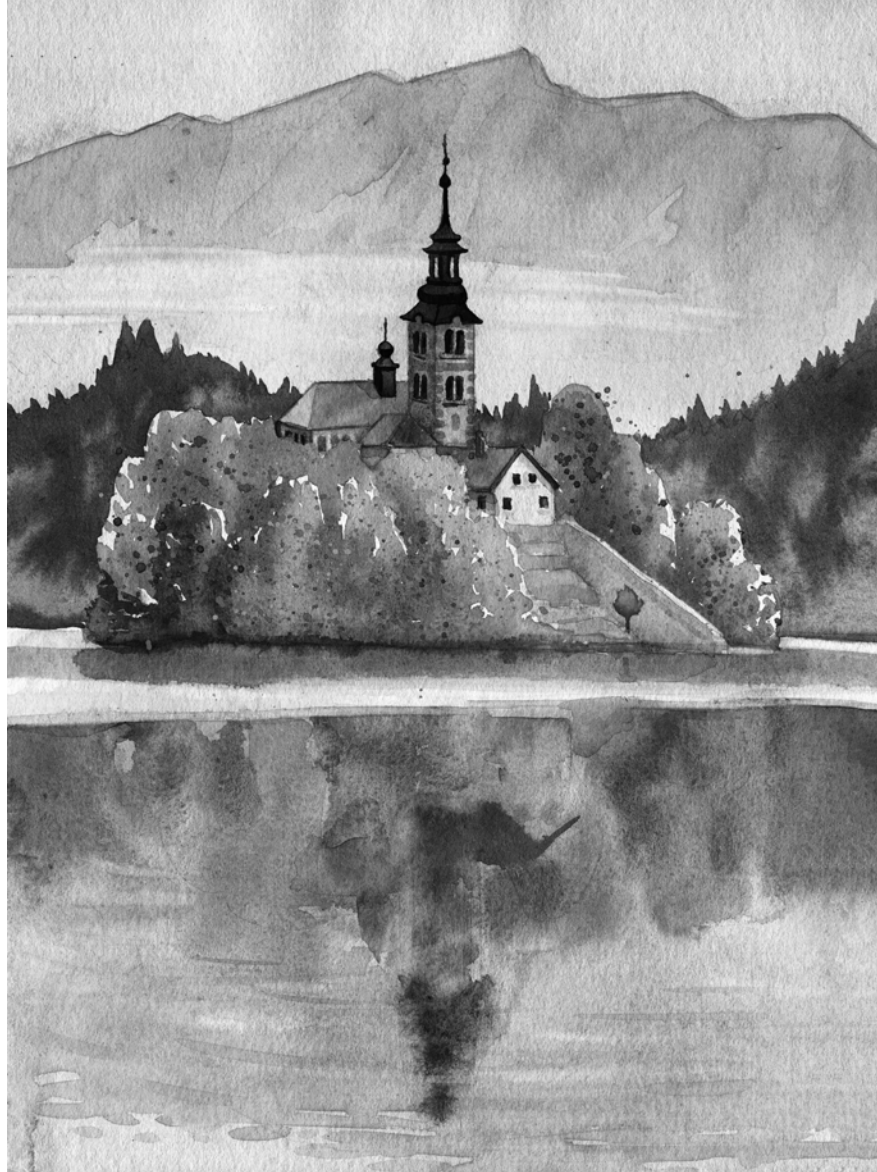
Стала правда неотличима
От навета и лжи,
Бред от яви, лицо от личины
И свои от чужих.

Наловчились вороны и вороны
Клевать с руки.
И раскаркались на все стороны
Клеветники.

Мгла на памяти, мгла на совести.
Как зарницы,
Только вспышки междоусобицы
По границам.

Кружат вороны, ищут падали –
Всё им мало.
Но страна наша столько падала –
И вставала.

Мы опять соберёмся с силой.
Переживём.
Так у вас там светло и сине,
Что не хочется – о земном...

Сны

1

Смеркается. Смыкаются глаза.
И вот уж ночь разобрана на сны.
И дел дневных, пустых и наносных,
Отходит призрачная полоса.

Смакуется изменчивость, текучесть
Зыбь суши и устойчивость волны,
Ландшафтов странность. Здесь разрешены
Свиданья с прошлым. Нету только скуки.

Смекается, толкуется. Основ
Основа – сонник странникам лояльным.
Все ищут смысл и значенье снов.
Почти никто не ищет смысла яви.

2

Из мглы неясный шорох – тормоза.
«Вас подвести?» – шофёр косит глаза,
Как будто предлагает мне афёру.
Пытаюсь сесть – напрасная затея.
Машина, как игрушка для детей,
По пояс мне. Я говорю шофёру:
«Как вы здесь ездите?..»

Лес. Озеро. Но почему-то стены
И потолок. Купается народ.
Матроны на матрасах так степенно
Гребут. Ныряет с шумом ребягтя.
Но мне вода по щиколотку. Вброд
Перехожу. И не могу понять:
«Как вы здесь плаваете?..»

И уже знаю следующую фразу:
«Как вы живёте тут?»
И жизнь ищу, чтоб получить ответ
На все вопросы сразу.
Но жизни – нет...

Я люблю, когда длинные, запутанные сны
 Пересказывают сжато,
 Исключая детали и частности, что неважны,
 Хитросплетенье сюжета.
 Возможно, умелый рассказчик вот так мою жизнь
 Изложит когда-то.
 Он опустит отчаянья годы, излишки и крайности
 И спросит: «К чему бы это?»
 И раскрыв, словно сонник, страницы моей души,
 Бог ответит:
 «Это ничего... Это, скорее, к радости».

Уж лучше камнем на дороге лечь,
 Секундой промелькнуть меж прошлым и грядущим,
 Речной водой в безвременье утечь,
 Чем человеком – жаждущим и ждущим

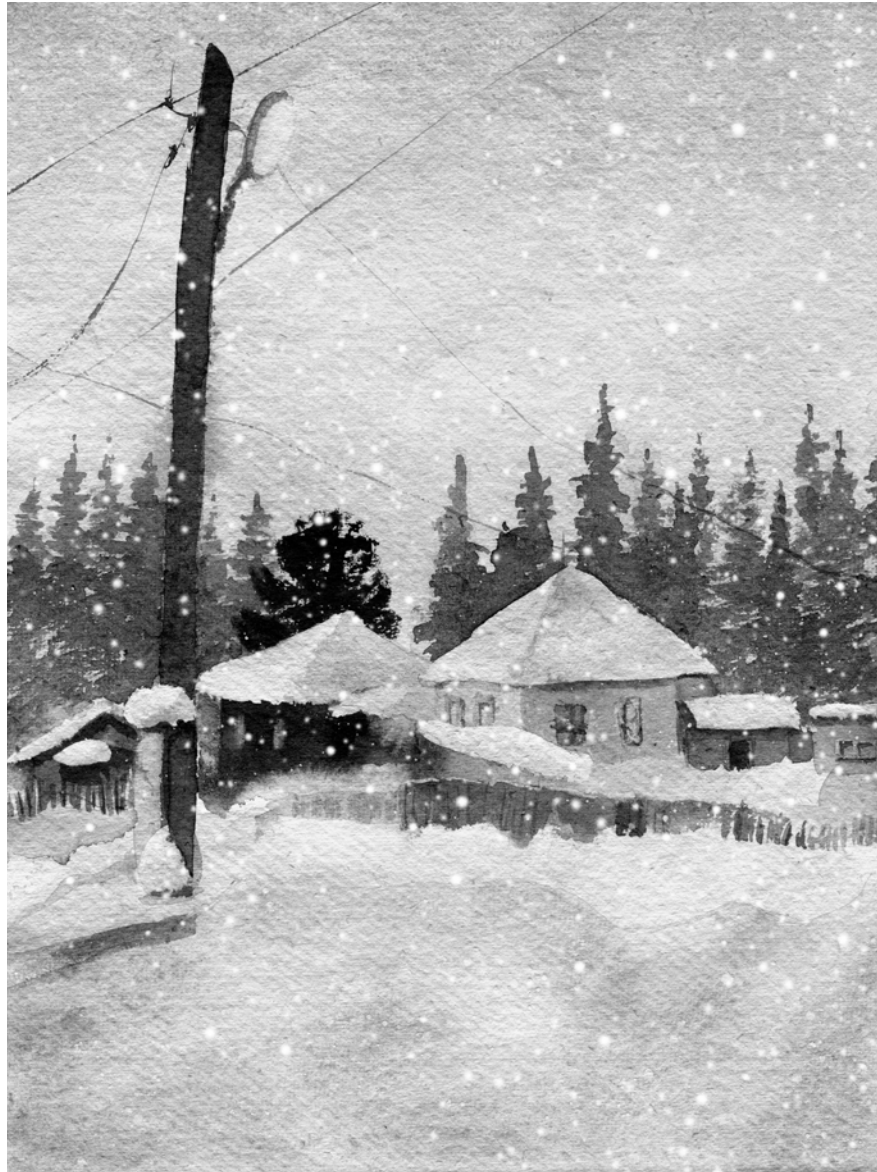
Того, что на земле не может быть,
 С ничтожным даром иль проклятьем речи,
 Страдать, метаться, чувствовать, любить,
 И разрываться от противоречий.

И удивляться, слыша зов души,
 Когда она одна лишь есть на свете,
 Как над пустыней – стран далёких ветер,
 Всё прочее – песок и миражи.

* * *

Быть бы мне фонарём над дорогой,
На какой-нибудь дальней окраине,
Чтоб стоять, никого не трогать,
Одиноко светить вечерами.

Так, неярко, слегка приглушённо,
Сквозь листву в поредевшем саду,
Чтобы кто-то вдали прошёл бы,
По ошибке приняв за звезду.

Старинная немецкая песня

Было у вдовы три дочери,
Они умерли все в одну ночь:
Первая на закате,
Вторая в глухую полночь,
С рассветом младшая дочь.

Крепко взялись они за руки
И слились с облаками
В белом утреннем зареве,
В платицах домотканых.

В дверь постучали девицы,
Выстроившись в ряд.
Пётр спросил: «Кто стучится?»
«Три бедных сестры стоят».

Пётр сказал: «Погодите,
Я посмотрю сейчас».
Двум он сказал: «Проходите.
Третья покинет вас».

«Когда стояли в церкви вы,
Глаза подняв на распятыё,
Она стояла у зеркала,
Она примеряла платье.

Красила губы и веки,
Ботинки чистила щёткой.
Когда же все шли из церкви –
Бежала на танцплощадку».

Младшая крикнула: «Боже!
Неужто, спасения нет?
Младшая крикнула: «Что же –
Погибнуть во цвете лет?

Мать меня так воспитала,
Больше сестёр любя.
Мать меня избаловала... »
«Дьявол примет тебя».

Жутко она вскричала,
Качаясь, пошла одна.
Дьявол вскочил, встречая,
Подав два бокала вина.

Она всё осушила до капли,
И кровь из-под длинных ногтей
Брызнула вновь в бокалы –
Вовек их не выпить ей...

Было у вдовы три дочери,
Их души исчезли в ночи.
А что было с горькой вдовою,
Чёрной от горя вдовою,
Об этом песня молчит.

* * *

Судьи приходят ночью.
Всегда внезапно приходят.
Это скорей расправа,
А не праведный суд.
Рядом становятся молча.
Правой или неправой
Казалась себе сегодня –
Стоят и чего-то ждут.

Глаза закрываю руками,
Надеясь, что всё лишь снится.
Но даже во тьме ощутим их
Всепроникающий взгляд.
Они равнодушны, как камень,
Вложенный в руку убийцы,
Безжалостно-неотвратимы,
Как уже принятый яд.

Что им до моих печалей,
Моих проблем застоялых?
Что было серьёзно и важно,
Теперь суета и вздор.
И я с головой ночами
Укутываюсь в одеяло,
Страшась услышать однажды
Жестокий их приговор.

Скрипка

Ночь разлеглась свободно и вольготно.
Дома, кусты, деревья, фонари –
Соринки на её просторном ложе.
А мне мешает всё: воспоминанья,
Волнения сегодняшнего дня
И безнадёжность завтрашнего. Тихо
Встаю с кровати. Мечется душа
И вырваться стремится из проёмов
Дверей и окон. Но увидев скрипку
Над полкой с книгами, вдруг затихает.

Я музыке пыталась научиться,
Но скрипке так не повезло со мною.
Теперь она всего лишь украшеньё,
Напоминанье о былых мечтах.
Я стряхиваю пыль, ищу смычок
За непрочитанным собранием Лескова.
Касаюсь струн. Звук извлекаю робко.
Он еле слышен. Так, бывало, в хоре
Я голос прятала за общей песней.
Со мною не везло и дирижёру.

Ночь, голову подняв, ко мне глядит
Глазами редких звёзд и дальних окон.
И в комнате светлеет. Не пугает
Меня уже раскрытый зев постели.

Да, миру вечно не везло со мною.
Но, может, я ещё смогу вернуться.
И к этой скрипке, и к стихам, и к книгам,
И к звёздам, от которых я когда-то
Не отводила взор. И может даже,
Сегодня без снотворного усну.

* * *

Из-под камушка-валуна
Ручейком текла вода чистая.
Вёдра полные набрала,
Понесла домой коромыслом я.

По высоким ярам, по крутым берегам,
В жаркий полдень и в непогоду
Я несла её, берегла и ни капли не пролила,
Через горы пройдя, через годы.

Но у дома своего призадумалась,
У порожка самого поскользнулась ...
Утекла вода – вода чистая,
И стою согнувшись коромыслом я.

Маска

Эта маска, что когда-то ты надела на лицо,
Что так долго выбирала, что так долго примеряла,
Что так долго обживала, и сжилась, в конце концов,
Эта маска, за которой тебя было не узнать, –
Вся морщинами прошита, и теперь уже не снять.

Содержание

«Ночь. Пишет девочка стихи...».....	3
Три ступени.....	4
«В пустынном небе звёздочка одна...».....	6
На качелях.....	7
«Всё безымянным было, незнакомым...».....	8
«Как сладостна печаль в пятнадцать лет...».....	9
Белый.....	10
«Синяя тетрадошка...».....	12
«Давай постоим на порожке...».....	13
«Приду к нему и скажу: «Люблю...».....	14
«Ты сейчас со мной не весь...».....	16
«Первые строчки на первом снегу...».....	17
«Она стояла у причала...».....	18
«Ты катись, моя слеза...».....	20
Чуть-чуть удачи и любви немного.....	21
«Девочка в курточке на перекрёстке...».....	22
«Кто выдумал его? Откуда этот плач...».....	23
«Пустой разговор».....	24
«Шли сегодня дела, как по нотам...».....	26
«Пролетают дни, как буквы строчные...».....	27
«Вчера ещё росла, теснило грудь...».....	28
«Отчего-то, как в детстве, вчера...».....	29
Поля.....	30
«Лишь несколько нетерпеливых строчек...».....	32
«Откройте окна – это дождь...».....	33
«Не носят дочки материнских платьев...».....	34
«Вышиваю строчки строго по канве...».....	35
Русалки.....	37
«Камень – тяжёлый и серый...».....	38
«Древья кланялись...».....	39
«Луг васильковый в зареве заката...».....	40
«Земля с утра как будто в коконе...».....	41

«Там, в той стране – теперь она лишь снится...».....	42
«Я легка на потери, в паденье – имущество за борг...».....	44
Две молитвы.....	45
Статуя «Грешница».....	46
«Думы тихие вечерние сменили...».....	47
«Тучами закрыл лицо луны вечер...».....	48
«Нет, не враг, не тать, не отец, не мать...».....	49
«Вся опутана приличия узами».....	51
«Пришла беда – отворяй ворота!..».....	52
«Горе луковое».....	53
Про кота.....	54
Ссора.....	55
Крик	
1 «Не знаю, как он попал к нам домой...».....	56
2 «Откуда ты, моя душа, явилась...».....	57
3 «Я не могу, когда ты смотришь так...».....	57
«Ты все двери закрыл, и ключи повернул, чтоб не вырвалась...».....	58
«Ты сказал: «Я уйду». Я сказала: «Иди».....	60
«Опять порыв – и рвётся ожерелье...».....	61
«Мир безжалостно сжат в аллею...».....	62
«Продрогший день скребётся под окном...».....	63
«Ты приплываешь в прошлое...».....	64
«Всем влюблённым в назначенный срок.....	65
«Ты говоришь, что так жить невозможно...».....	67
«И тебя обидела...».....	68
«Тоску теперь депрессией зовут...».....	69
«Вам, уходящие года...».....	70
«Неужели прошло, отцвело, отзвенело, опало...».....	71
«Как солнце прячется порой за тучею...».....	72
«За окошком кап да кап...».....	73
«Снова перевёрнута страница...».....	74
«Меж мной и мной проложены года...».....	76
«Когда было новое тело...».....	77
«Позолотили облачко...».....	78
«Ветер воздух растягивал с вечера...».....	79

«Если из весенней зелени...»	80
«Жук – как образчик ковки и литья...».....	81
«Мама, мне можно писать стихи?...».....	82
«Горе, горе горенько... »	83
Зимняя колыбельная.....	84
Летние картинки.....	86
Горихвостка.....	88
«Всё загадочней смысла и значенье людских разговоров...»	90
Деревья	
1 «Если заговорят деревья... ».....	92
2 «Я росла на земле топодем...».....	93
3 «Кажется всё, будто в мир, где не знают чудес...».....	94
«Возможно, кто-то сбросил с сердца камень...».....	96
«Я устала от зауми сложнопостроенных строчек...».....	97
«Меня мама просила...».....	98
«Из камней, что в меня кидали...».....	99
«Как у вас там светло и сине...».....	100
Сны	
1 «Смеркается. Смыкаются глаза...».....	102
2 «Из мглы неясный шорох – тормоза...».....	103
3 «Душе знакомы высота и дали...».....	104
4 «Верно, прежде её не пускало моё безутешное горе...».....	105
5 «Я люблю, когда длинные, запутанные сны...».....	106
«Уж лучше камнем на дороге лечь...».....	107
«Быть бы мне фонарём над дорогой... ».....	108
Старинная немецкая песня.....	110
«Судьи приходят ночью... ».....	113
Скрипка.....	114
«Из-под камушка-валуна... ».....	116
Маска.....	117
«Я пишу свою жизнь на каком-то случайном обрывке...»	118
«В день горестных и трудных дел... ».....	119

Татьяна Ефремовна Мейко

ТРИ СТУПЕНИ

Стихи

Рисунки Александры Сергеевны Поданёвой

Редакция и вёрстка автора

Татьяна Мейко известна как сказочница, автор книг «Сад судеб», «Красное слово», «Томские сказки», «Пёстрые пёрышки», «Сказки Среднего мира» и других. Стихи печатались в альманхе «Парус» издательства «Молодая гвардия», «Сибирские Афины», в сборниках «Литературное Притомье», «Русский крест».

В первый поэтический сборник вошли стихи,
написанные с 1980 по 2017 год.